

РЕЦЕНЗИИ

К. Н. ЛЮБУТИН

Русакова О. Ф. Философия и методология истории в XX веке: школы, проблемы, идеи

Екатеринбург, 2000

Книга представляет собой фундаментальное научное обобщение переработанного в течение XX века методологического багажа в области философии истории.

Главная задача автора состояла в том, чтобы из всего многообразия методологических направлений выбрать те, которые задавали главные ориентиры философско-историческим исследованиям уходящего столетия и в то же время прокладывали путь новым, перспективным линиям методологических поисков, способных определить профиль методологии истории XXI века. «Новая методология, — отмечается в предисловии книги, — складывается не на пустом месте, а наследует и усваивает те идеи и технологии, которые в совокупности своей являются ее главными «акушерами». Диалог прошлого, настоящего и будущего всегда будет иметь своих посредников в лице тех, кто является одновременно хранителем и транслятором идейно-методологического опыта человечества. К ним относятся ученые и педагоги, деятели и мыслители, которые способны чутко улавливать, творчески осваивать и направлять в определенные русла потоки новой научной, социокультурной и духовной информации, перерабатывая их в дискурсы, концептуальные модели, исследовательские проекты и программы, формируя новые методологические направления и предметные поля гуманитарного познания, новые каналы культурно-исторической коммуникации».

На предметном поле философии и методологии истории на протяжении всего XX века разворачивается «турнир» между историками и философами за право первой методологической «вспашки». В своей монографии О. Ф. Русакова большое внимание уделяет проблемам междисциплинарного подхода к осмыслению своеобразия «ремесла» и «территории» историка. Обобщая опыт различных школ и направлений, автор при-1 ходит к выводу, что в итоге основной тон в философско-исторических исследованиях задавали те ученые, которые сумели соединить в своих трудах достоинства философского и исторического стилей мышления, кто смогли преодолеть профессиональные цеховые рамки и

подняться над межкорпоративной схваткой представителей различных дисциплин. Именно эти исследователи, а также школы и направления, которые они представляют, стали главными героями книги Русаковой. В монографии раскрывается целая галерея интеллектуальных портретов знаменитых методологов и философов истории XX века, плодотворно работавших и продолжающих работать и по сей день на междисциплинарном уровне. В их числе представитель школы «Анналов», исторической герменевтики, отечественной школы исторической антропологии во главе с А. Я. Гуревичем, «новой интеллектуальной истории» и ряд других. Специальному анализу в книге подвергаются методологические модели философии истории М. Вебера, А. С. Лаппо-Данилевского, Б. Кроче, Р. Дж. Коллингвуда, Р. Арона, К. Поппера, Э. Н. Лооне, М. А. Барга, И. Д. Ковальченко, Б. Г. Могильницкого, И. А. Гобозова и др.

Свой выбор школ и фигур автор объясняет стремлением проанализировать прежде всего те идеи и концепции, которые определили характерные черты исторической эпистемологии XX века. Что касается другой важной области методологии и философии истории — исторической онтологии или историософии, то ее проблематику Русакова намеревается осветить в | следующей своей книге «Историософия XX века», которая f должна выйти в 2001 году.

Перейдем к краткому обзору содержания монографии. Она состоит из трех крупных разделов: 1. «Предмет философии и методологии истории»; 2. «Ведущие концептуальные модели методологии истории»; 3. «Методологические поиски в современных исторических исследованиях».

В первом разделе рассматриваются подробно основные 1 типы философии истории, этапы становления методологии истории как особой области знания, дается авторская версия структуры и модусов существования методологии истории.

По мнению автора, все существующие модели философии истории можно свести к трем основным типам: 1. **Метафизическая модель** философии истории, включающая главным образом онтологическую проблематику (учение об исторической реальности и историческом процессе, проблемы логики исторического развития, исторических законов и закономерностей, исторического прогресса и регресса, свободы и необходимости, смысла истории и т. д.); 2. **Эпистемологическая модель** философии истории, рассматривающая проблемы исторического познания и знания, логического оформления и структуры исторической мысли, исторического понимания и объяснения, методологии и процедур интерпретации исторических источников, вопросы исторической истины и

научного моделирования исторических событий, ситуаций и процессов, типологии исторических фактов и теорий и т. д.; 3. **Антропологическая модель философии истории**, претендующих на синтез онтологического и эпистемологического подходов в историческом исследовании посредством фокусировки внимания на проблемах культурных и ментальных миров человека.

Метафизическая модель философии истории, считает Русакова, в XX веке получила концептуальную разработку в трудах Кареева, Бердяева, Франка, Хайдеггера, Ясперса, Тоин-би, Парсонса, Липсета, Гумилева, Валлерстайна, Чейз-Данна и др. Эпистемологическая модель наиболее ярко представлена баденской школой неокантианства, неопозитивизмом (Ланглюа, Сеньобос, Симиан, Поппер), концепциями Коллингвуда, Кроче, англо-американской аналитической философией истории (Гемпель, Данто, Дрей, Уайт), а также работами российских исследователей — Лаппо-Данилевского, М. Хвостова, Виппера, М. Ковалевского, Г. Шпета.

Антропологическая модель философии истории, по мнению Русаковой, лежит в основе исследовательской программы школы «Анналов», научной стратегии отечественного ежегодника «Одиссей. Человек в истории», немецкой историко-антропологической школы (Ниппердей, Лепениес и др.).

В первом разделе особый интерес вызывает параграф, посвященный модусам существования методологии истории. Подобный анализ, пожалуй, впервые проводится в нашей отечественной методологической литературе.

В основу модусного расчленения методологии истории кладется «принцип тройственного бытия, или существования, методологии истории». В соответствии с указанным принципом Русакова выделяет три модуса:

1. Модус методологической рефлексии, т. е. знание о методах и процедурах исторического исследования;
2. Модус методологической практики, т. е. осознанное, а нередко и неосознанное применение непосредственно по самому ходу исторического исследования целого ряда методологических процедур;
3. Модус методологического обмена, а именно установление диалога, ситуации духовного обмена внутри мира профессионального сообщества.

Уже на стадии научного самоопределения, выбора темы исследователь, анализируя сложившуюся научную ситуацию, включается в диалог с другими авторами, ведущими теоретико-методологический поиск в интересующей его области истории. По завершении же своего исследования ученый стремится предъявить на суд общественности плоды своего труда,

это также является процедурой коммуникативного обмена внутри научного сообщества. Основными формами выражения модуса обмена, говорится в книге, являются историографические исследования, в которых «допрашиваются» литературные источники, отклики и рецензии на конкретные исследования, содержащие их методологический анализ; научные дискуссии, конференции, семинары и т. д.; духовные контакты в форме понимания, «схватывания» определенных методологических интенций другого автора, который, возможно, сам полностью не осознал произведенных им прорывов в новую область исторического анализа.

На наш взгляд, представленная система модусов во всей своей полноте присутствует и в книге Русаковой. Автор «погружает» читателя в богатый мир интеллектуальных образов, дискурсов, логических конструкций, методологических схем известных исследователей исторического творчества, ведя при этом с ними духовный диалог, а также останавливая внимание читателя на элементах преемственности и расхождений во взглядах своих героев.

Примечательная особенность второго раздела, по нашему мнению, состоит в том, что автор не ограничил свой анализ ведущих моделей методологии истории только теми школами и направлениями, которые в настоящий момент являются классическими, в значительной степени нормативными для Запада, а также для современных отечественных исследователей, преодолевших шоры советской официальной методологии истории. Большое внимание в данном разделе уделяется рассмотрению разнообразных интерпретаций марксистской методологии истории, которая, и об этом ни в коем случае нельзя забывать, сыграла огромную роль в определении траекторий философско-исторических поисков, проводимых на протяжении всего XX-го столетия. «Множественность школ и направлений, выросших на базе марксизма, — отмечает автор, — является свидетельством не только интеллектуальной мощи данного учения, но, что не менее важно, особенно с методологической точки зрения, — его принципиальной «открытости».

В соответствующей главе подробно рассматривается исследовательская ситуация, обозначаемая формулой «кризис марксистской методологии». Автор приводит в своей работе самые различные толкования данного кризиса в современной литературе. В итоге Русакова приходит к выводу, что смысл и суть кризиса марксистской методологии истории следует искать в его культурно-исторических корнях. Речь идет о духовной, общественной и научной атмосфере, которая стала складываться в мире в конце 80-х — начале 90-х годов, т. е. о своеобразном «новом мышлении»,

под которым подразумевают отказ от дуалистического, биполярного видения мира, от конфронтационного стиля мышления, а также приоритетность плюрализма и толерантности.

Другими словами, глубинные истоки кризиса марксистской методологии истории связаны с наступлением новой методологии — методологии постмодерна, в режиме которой сегодня работают многие научные школы.

Отмечая вышеуказанный момент, автор в то же время считает, что марксизм и в XXI веке не утратит свое методологическое значение. «Главное, что, на наш взгляд, позволяет марксизму войти в новую эпоху и занять там достойное место, — пишет Русакова, — заключено в его гуманистическом пафосе, парадигме очеловечивания мира и преодолении отчуждения, в понимании смысла истории человечества как развития всего богатства его человеческой природы.

Сама марксистская модель методологии истории раскрывается автором книги стереоскопически, т. е. в контексте трех различных ее интерпретаций—умеренной (А. Арон), апологетической (Ю. М. Бородай, В. Ж. Келле, Е. Г. Плимак) и жестко-критической (К. Поппер).

В третьем разделе подробно рассматриваются три школы, которые, по мнению автора, прокладывают магистральные линии будущих методологических поисков в области философии истории. Это школа «Анналов» (в книге анализируются четыре периода ее методологической эволюции), школа А. Я. Гуревича или историческая антропология и «новая интеллектуальная история», представленная работами Х. Уайта, Ф. Анкерсмита и др.

Следует подчеркнуть, что в процессе изложения и анализа воззрений, принадлежащих конкретным методологам истории, автор не ограничивается воспроизведением общих теоретических схем, а стремится к тому, чтобы читатель почувствовал «на вкус» оригинальный текст. Отсюда — частое обращение на прямую к высказываниям, цитатам, живым и эмоциональным фразам. Такого рода обращения к источникам имеют тенденцию усиливаться, когда речь заходит о работах, содержание которых не известно или почти не известно широкому кругу гуманитарной, педагогической общности, являясь достоянием лишь узких групп специалистов.

В этой связи монография О. Ф. Русаковой представляет большой интерес не только для специалистов, но и для преподавателей, аспирантов, студентов, для самого широкого круга читателей, активно интересующихся современными достижениями методологической, философско-исторической мысли.